

Соб. кучугура

ПРЕМЬЕРЫ

ЛИР МИХАИЛА ЦАРЕВА

Леонид Хейфец поставил на сцене Малого театра трагедию Шекспира «Король Лир». Главную роль в ней сыграл Михаил Царев.

Сценическое пространство, каким его увидели режиссер и художник Д. Лидер,— холодного белого цвета. Оно образовано четырехугольными белыми глыбами, словно сложенными из пьда, и расчленено геометрическими линиями, уходящими в бесконечность. Вселенная, застывшая в холодном безмолвии и неподвижности, равнодушная природа, предоставившая людям самим себе. Но и люди под стать миру—души ожесточенные, оледеневшие, скованные стужей. Знаки человеческого присутствия—лишь колодки, в которые с грохотом забивают Кента; скучая телега, на которой увозят мертвцев, взваливая их вместе с какими-то мешками, да еще свисающая сверху дыба.

Всякое подобие сентиментального мелодраматизма вытравлено в спектакле без снисхождения. Когда человек на сцене говорит: «Я не плачу», он действительно не плачет, и нам плакать не предлагают, но предлагают всмотреться и вдуматься. У истинной трагедии—сухие глаза. Не всем актерам оказался доступен этот стиль, суховатый и сосредоточенный,

как дался он, например, молодой актрисе Е. Глущенко: у ее Корделии строгая ясность лица и лиризм, лишенный чувствительности.

Рационалистический стиль Л. Хейфеца иногда вступает в противоречие с духом этой таинственной пьесы, плохо поддающейся логическому анализу, полной причудливых видений, где страшное стоит на грани мучительно смешного. Поэтому роль Шута, объясненная слишком просто и сыгранная слишком трезво, утратила свою гротескную загадочность (это не мешает В. Павлову в пределах данного ему рисунка играть превосходно).

Играя Лира в манере отчелвой и ясной, М. Царев вместе с тем не торопится давать все разгадки. Его Лира трудно уложить в принятые схемы. Режиссер и актер возвращают пьесу к коренным человеческим сущностям, лежащим в ее основе, и тем разрушают инерцию восприятия трагедии и ее главного лица.

Этот мощный старик словно явился из былых героических веков. Речь идет не об эпическом величии и патриархальной простоте, но о внутренней значительности, о масштабе личности. Рядом со стремительным Глостером (Н. Анненков) Лир—Царев кажется почти

неподвижным. Ему нет нужды в начале трагедии метаться, греметь и требовать повиновения. Приказы он отдает, не глядя, не повышая голоса. Даже к небесам («о боги, вот я здесь») он обращается просто и почти интимно: уверен, что услышат.

Тема доверия и предательства особенно важна для актера. Он говорит со сцены о чем-то большем, чем желание старика найти опору в детях, хотя и это не так уж мало—о поисках душевного оплата, возможности довериться, обрести защиту в других. Рука Лира, протянутая в надежду найти опору, находит пустоту.

Страдание, которому обречен этот Лир, стыдится высказать себя громогласно, но тем более оно подлинно. Это страдание поруганной души, но это и муки старого тела.

Одиночество Лира—Царева ничем не скрашено. Ему нельзя жить в царстве Эдмунда и Корнуолла, в век хищников и приобретателей. Он выбирает—не быть. Это не бунт, не восстание, а отказ от «дыбы жизни», постепенный, неуклонный уход из мира, предавшего человечность. Кульминацией спектакля оказывается не картина бури, (она, нужно признаться, не вполне удалась Малому театру), а короткая сцена с Глостером, в

ром, полная горькой мудрости, несгибаемой твердости духа, высокого покоя, ибо решение принято.

Отторгая себя от мира, Лир становится для него неуязвимым. Что могут теперь сделать с ним Регана, Гонериля или какой-нибудь Освальд—ему нечего более утрачивать, и он свободен. Ярость врагов теперь бессильна коснуться его, как бердыш стражника не может задеть Гамлета-отца. В финальных сценах Лира—Царева посещают последняя легкость и холодная ясность духа, он светится ровным внутренним светом. В своих белых одеждах с серебряными волосами, он кажется бесплотным, словно тело его истаяло в страдании. Момент смерти Лира неуловим. Он покидает жизнь неслышно и невидимо, как Эдип в конце последней трагедии Софокла.

Лир уходит, отряся прах мира от ног своих. За ним уходит Кент: «Меня зовет король. Мне надо в путь»—финальный момент сыграв А. Кочетковым музыкально и сильно.

В этом уходе Лира—Царева, в разрыве всех связей с бесчеловечным миропорядком не меньше душевой силы и нравственной непримиримости, чем в грозном гневе библейского пророка, каким многие привыкли представлять себе героя шекспировской трагедии.

А. БАРТОШЕВИЧ.